

УДК 811.111-26

Ворон-Ковальская В.Е.*Московский педагогический государственный университет***ОПИСАНИЕ СЛУХОВЫХ ГАЛЛЮЦИНАЦИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
НЕСПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Аннотация. В рамках данной статьи рассматривается описание слуховых галлюцинаций в современной англоязычной литературе. Автор выявляет и анализирует основные лексические единицы, репрезентирующие данный феномен. Материалом исследования служат произведения современной американской мемуарно-биографической и художественной литературы, в которых главный герой испытывает слуховые галлюцинации, т. е. слышит несуществующие голоса. Особое внимание уделяется рассмотрению структуры лексико-семантического поля английских глаголов речепроизводства. Анализ языкового материала позволяет сделать вывод о негативной природе слуховых галлюцинаций при параноидной шизофрении и об их активном, деструктивном и пагубном воздействии на больного.
Ключевые слова: дискурс, галлюцинации, лексико-семантическое поле, глаголы речепроизводства, коннотация.

V. Voron-Kovalskaya*Moscow State Pedagogical University***THE DESCRIPTION OF AUDITORY HALLUCINATIONS
IN ENGLISH UNSPECIALIZED LITERATURE**

Abstract. The article analyses the description of auditory hallucinations in contemporary English literature. The author studies the main lexis used to represent the phenomenon. The research material includes texts of contemporary American autobiography, memoirs and novels, in which the main character suffers from auditory hallucinations, i.e., hears voices that do not exist in real life. Special attention is paid to the semantic field of the English verbs of speech production and its structure. The analysis proves the negative nature of auditory hallucinations and their destructive effect.
Key words: discourse, hallucinations, semantic field, verbs of speech production, connotation.

Настоящая статья посвящена рассмотрению языкового своеобразия репрезентации феномена слуховых галлюцинаций в современной американской неспециализированной литературе.

Процесс исследования определённого явления предполагает привлечение к анализу как языковых, так и энциклопедических знаний. В связи с

© Ворон-Ковальская В.Е., 2014.

этим вначале хотелось бы кратко рассмотреть описание феномена галлюцинаций в научном дискурсе, который представляет реальный мир на основе экспериментального, теоретического или другого вида анализа и основывается на объясняющихся учёными фактах и теориях [5, с. 116].

Родоначальником теорий о галлюцинациях называют французско-

го психиатра Ж. Эскироля, согласно которому при галлюцинациях, возникающих в мозге, субъект верит, что воспринимает ощущения того или иного органа чувств, тогда как никакого объекта, способного вызвать эти ощущения, не существует. Таким образом, галлюцинация представляет собой восприятие без объекта и является выражением глубокого расстройства познания окружающего мира [2, с. 9]. Хотя галлюцинации – феномен патологический, они являются довольно распространённым явлением, встречающимся при различных заболеваниях: органическом, токсическом, инфекционном поражении, при соматических заболеваниях, при психогенных состояниях, а также при психических расстройствах, таких, как эпилепсия и шизофрения. Самой распространённой классификацией галлюцинаций является «рецепторно-локализационная», согласно которой они делятся по органам чувств: слуховые, зрительные, вкусовые, обонятельные и тактильные [2, с. 223].

В рамках данной статьи мы ограничиваем область нашего исследования рассмотрением исключительно феномена слуховых галлюцинаций при таком психическом расстройстве, как параноидная шизофрения. Согласно международной классификации болезней, это наиболее часто встречающаяся форма шизофрении в большинстве стран мира, для которой слышание несуществующих голосов – один из ключевых признаков.

Материалом для анализа послужили тексты американской мемуарно-биографической и художественной литературы, в которых присутствует описание интересующего нас явления. Стоит отметить, что произведения, где

главный персонаж страдает параноидной шизофренией, а главенствующая роль отведена описанию проявлений этого психического заболевания, многочисленны и крайне популярны в современной литературе США. Представленный текстами фикционального характера, а именно романами, художественный дискурс отражает стереотипы и знания, полученные из специальной литературы (медицинских справочников, энциклопедий и т. д.), а также реализует культурно детерминированные элементы образа мира носителей определённого языка [5, с. 112]. В текстах же автобиографий и мемуаров воссоздаётся прошлое, относящееся к области лично пережитого речевым субъектом, что делает их уникальными с точки зрения представленных в них структур знаний. Именно человек, как познающий и как говорящий на определённом языке субъект, формирует значения, а не воспроизводит их в готовом виде, и именно говорящий субъект сознательно осуществляет выбор языковых средств выражения для описания той или иной ситуации [1, с. 13]; конкретный индивид создаёт свою собственную картину мира, а через языковые выражения определяется выраженное в них знание о мире [5, с. 101–102]. Тексты мемуарно-биографического дискурса создаются ради того, чтобы передать субъективные знания и представления, вынести эти представления за пределы авторского сознания и сделать их достоянием других людей [5, с. 106].

С целью проведения анализа репрезентации исследуемого феномена, а также выявления лексических единиц, описывающих данное явление, были отобраны литературные произведе-

ния, где главный герой испытывает слуховые галлюцинации, вызванные параноидной шизофренией – психическим расстройством, заболеванием головного мозга. Исследуемый материал представлен текстами художественного дискурса – романами «*Inside Out*» (автор Терри Трумэн) и «*Finding Alice*» (автор Мелоди Карлсон), вышедшими в 2003 году, а также образцами мемуарно-биографического дискурса – художественной автобиографией 1964 года «*I Never Promised You a Rose Garden*» (автор Джоан Гринберг) и мемуарами 2001 года «*The Day the Voices Stopped*» (автор Ken Steele). Данные произведения были отобраны как наиболее репрезентативные и изобилующие описаниями исследуемого нами феномена.

Здесь следует привести точку зрения В.Е. Чернявской, понимающей дискурс как комплексную взаимосвязь многих текстов, связанных содержательно-тематическими отношениями и функционирующих в пределах одной коммуникативной сферы [9, с. 92]. В связи с этим нам представляется целесообразным рассматривать все вышеуказанные тексты в совокупности и говорить о едином дискурсивном корпусе, т. е. о тематической общности текстов, объединённых описанием феномена слуховых галлюцинаций при параноидной шизофрении. В таком едином дискурсивном пространстве, как подчёркивает Е.С. Кубрякова, отражается и строится один из «возможных миров», а для того, чтобы сделать это и объективировать намерение говорящего и его ментальность, используются особые языковые средства, из имеющегося набора возможностей и приёмов выбираются или строятся конкретные языковые формы [4,

с. 531]. Соответственно, именно выявление языкового своеобразия определённого дискурсивного корпуса и составляет главную цель любого лингвистического анализа.

Итак, если говорить о языковом своеобразии рассматриваемого нами дискурсивного пространства, очевидно преобладание лексики, описывающей речевое действие слуховых галлюцинаций, или «голосов», как называют их авторы. Такое действие репрезентируется обширным лексико-семантическим полем английских «глаголов речепроизводства», которые вслед за Л.Ю. Стойкович мы определяем как глаголы, обозначающие речевое действие и имеющие целью передачу сообщения и / или когнитивное воздействие на реципиента [8, с. 9]. Основой для выделения единиц описываемого поля является признак говорения. Можно выделить центр поля, которым является группа глаголов общей коммуникативной семантики и периферию, представленную глаголами, уточняющими характер, силу воздействия, содержание речевой коммуникации, их эмоциональное состояние и т. д. Все глаголы можно подразделить на несколько групп в зависимости от степени выраженности признаков. На основе проанализированного материала нами было выделено 6 основных групп глаголов речепроизводства, использующихся при описании слуховых галлюцинаций (голосов).

Первая группа «ГОВОРЕНИЕ» представлена глаголами общей коммуникативной семантики – *say, speak, tell, talk*, – передающими семантику речепроизводства в наиболее чистом виде и признанными прототипическими в ряду глаголов говорения [6,

с. 13]. Под прототипом мы понимаем единицу, проявляющую в наибольшей степени свойства, общие с другими единицами данной группы, а также реализующую эти свойства наиболее полно, без примеси иных свойств. В прототипическом образце слова заложена схематическая репрезентация концептуального ядра [7, с. 85]. Данная группа является ядром всего лексико-семантического поля глаголов речепроизводства. Ядерные глаголы используются в семантических толкованиях других глаголов, так как имеют более общее значение, а сами при этом не определяются глаголами более абстрактного содержания, чем собственное. Таким образом, ядерные глаголы концептуально мотивируют неядерные [3, с. 22].

Рассмотрим примеры употребления всех 4 глаголов при описании «голосов», ср.: “*You’re worthless,*” *Dirtbag says* [13, с. 1]; *See, even your friends don’t like you anymore, the voices told me* [12, с. 8]; *I would talk to her, and the voices would be talking to me* [12, с. 189]; ... *they spoke about me – Who is he to think the Holy Trinity will pay him any attention?* [12, с. 19]. Глаголы данной группы обладают такими концептуальными признаками, как «живое существо», «способность к звучанию», «голос». Как известно, способность говорить, вступать в коммуникацию является одной из ключевых способностей человека. Очевидно, что происходит некая персонификация, в результате чего голоса, которые на самом деле не существуют в реальности, для большого становятся полноценными коммуникантами. Подчеркнём, что содержание того, что говорят «голоса», преимущественно негативное.

Помимо глаголов группы говорения, обозначающих акт передачи информации с нейтральной окраской, процесс вербального общения описывается с использованием глаголов группы «ПРОИЗНЕСЕНИЕ», которые также называют глаголами звучания или артикуляции, акцентирующими физический процесс производства речи. Доминантным семантическим компонентом является концептуальный признак «издавать звук». В их семантике присутствуют признаки, отражающие характер произнесения: чёткость / нечёткость, громкость / тишина и т. д.

Важно отметить, что именно эта группа является самой многочисленной. Нами было выявлено 19 глаголов произнесения. Их можно разделить на 2 основные подгруппы: акустические глаголы – *whisper* (*шептать*), *hiss* (*шипеть*), *mutter* (*бормотать, ворчать*), *sing* (*петь*), *chant* (*распевать*), *roar* (*рычать*), *groan* (*стонать*), *growl* (*рычать*), *shriek* (*визжать*), *scream* (*пронзительно кричать*), *shout* (*громко кричать*), *cry out* (*выкрикивать*), *rant* (*разражаться тирадами*), *recite* (*декламировать*), *thrum* (*бренчать*), *yell* (*громко кричать, вопить*) и глаголы темпа речи, такие как *chat* (*болтать*), *jabber* (*бормотать*). Ситуация говорения с дополнительным звукопроявлением эмоционально окрашена. Человек сообщает информацию, выражая к ней и адресанту определённое отношение, находясь в определённом настроении и имея определённую цель. В качестве когнитивных признаков ситуации можно выделить «целенаправленность», «эмоциональность», «интенсивность» [6, с. 16].

Приведём несколько примеров упо-

требления таких глаголов в описаниях «голосов», ср.: *You should die, muttered one. You should never have been born, shrieked another* [12, с. 1–2]; *Do it, do it, do it, they chanted. Get electrocuted!* [12, с. 156]; *“Get out of here”, hisses Amelia* [10, с. 123]; *Walk out of this with that famous doctor of yours! the Censor roared* [11, с. 72]; *... the voices were ... quietly chatting in the background...* [12, с. 125]; *“You fool!” Amelia yells at me* [10, с. 217]; *“DIE!” screams Rat* [13, с. 1].

Выявленные глаголы произнесения фиксируют всё многообразие звучащего мира. При более детальном семантико-когнитивном рассмотрении становится очевидной особая, сложная, многокомпонентная, динамичная картина, описываемая глаголами звучания: субъект действия, направленность на объект, средство, способ, приём звукопроизводства, временные, пространственные характеристики, эмоциональный фон, причинно-следственные связи и пр. [6, с. 12]. Именно глаголы произнесения являются для авторов мощным инструментом для языковой репрезентации невероятно разнообразной природы звучания «голосов» при параноидной шизофрении. В данной группе глаголов представлены всевозможные звуки, которые могут характеризовать людей, животных, а также неживую природу, что вызывает у читателя множество красочных образов и помогает глубже понять, что представляют собой слуховые галлюцинации при загадочном психическом заболевании. Способ звукового оформления воздействует на адресата, и поэтому глаголы данной группы пересекаются с группой глаголов воздействия.

Далее мы выделяем группу «ИН-

ФОРМИРОВАНИЕ», куда входят глаголы, передающие функцию сообщения: *declare* (объявлять), *instruct* (давать указания), *proclaim* (провозглашать), *warn* (предостерегать). Данные лексемы несут оттенок формальности и официальности, а также истинности. Характер звукового произнесения отодвинут на второй план, ср.: *There will be no remission of your sins, declared a third* [12, с. 18]; *See her? You know that girl... she's your enemy, the voices warned me...* [10, с. 24].

К подгруппе «ПРЕДСКАЗАНИЕ» можно отнести глаголы *prophesy* и *predict* со значением сообщения о какой-либо вероятности в будущем. Содержание и характеристика информативной части данных лексем отличается меньшей степенью точности и истинности, ср.: *You'll run again... and hide, but we'll find you, they predicted* [12, с. 174]; *Your death is soon to come, The Ruler prophesied* [11, с. 56].

При рассмотрении примеров читатель сразу обращает внимание на то, что «голоса» сообщают всегда о чём-то опасном и негативном, возвещают о какой-то угрозе, вызывая у больного бред преследования, что, безусловно, свидетельствует об их пагубном воздействии на субъекта.

Значительную часть поля глаголов речепроизводства занимают те, у которых функция воздействия преобладает над функцией сообщения. Выделенная нами группа глаголов «РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ» занимает второе по многочисленности место, и представлена 17 лексемами. Эти глаголы разнообразны по оттенкам, силе, характеру воздействия. Объединяющим фактором является концептуальный признак целенаправленного воздей-

ствия. При анализе глаголов воздействия на эмоциональное состояние собеседника бросается в глаза тот факт, что большинство лексем изначально имеют чётко выраженную негативную коннотацию. Широко представлены глаголы со значением насмешки (*jeer, taunt, mock, deride, make fun*) и критики, ругани (*scold, chide, rail, cuss, curse*). «Голоса» комментируют, обсуждают поведение, внешность, поступки, ср: *Liar, chided the voices. Shame on you* [12, с. 37]; *Amelia is cussing at me, using such vulgar profanity...* [10, с. 195]; *Look how ugly you are..., the voices taunted* [12, с. 3]; *Look at what a fat pig you've become, the voices derided me* [12, с. 164].

Таким образом, среди выявленных нами 12 глаголов речевого воздействия на эмоциональное состояние превалируют глаголы, содержащие такие признаки, как «насмешка» (5 лексем) и «критика» (5 лексем). Лишь 2 лексемы – *cheer* (ободрять) и *toast* (тостовать) – сами по себе не несут отрицательной коннотации, но также употреблены в негативном контексте, ср.: *My voices cheered. Kenny's dying... It's over...* [12, с. 153]; *Here's to your successful dying, the voices toasted me as I drank my beer* [12, с. 129]. Читатель сразу же делает вывод об очевидном сильном негативном и деструктивном воздействии шизофренических слуховых галлюцинаций на больного и об их негативной природе.

Зона воздействия на мнение и побуждение к действию включает следующие глаголы: *demand* (требовать), *order* (приказывать), *push* (толкать, давить), *spur* (подстрекать), *urge* (побуждать). Как мы видим, для параноидной шизофрении типичен императивный характер слуховых галлюцинаций. Они отличаются тем, что

могут иметь повелительный и приказной тон, ср.: *Leave home, this voice demanded...* [12, с. 4]; *Get a rope, they ordered me...* *Tie the noose with a sea knot...* [12, с. 10]. «Голоса» требуют уйти из дома, приказывают совершить самоубийство, подстрекают к деструктивным действиям. Особенность и опасность в том, что больной человек не считает такие приказы галлюцинацией, и несколько не сомневается в том, что он обязан выполнить любые неадекватные указания.

Важное место занимает группа «СПРАШИВАНИЕ». Это определяется тем, что вопросительность играет важную роль в речевой коммуникации. Эта группа представлена лишь одним глаголом вопросительности – глаголом *ask*: ... *I heard his one solitary bass voice gravely ask, You think you can be forgiven, do you?* [12, с. 19].

С зоной вопросительности непосредственно соприкасается и тесно связана группа «ОТВЕТ», включающая такой глагол ответной реакции, как *agree* (соглашаться): ... *I think that my life is not worth living. "That's right," agrees Amelia* [10, с. 180].

Следует отметить, что наличие глаголов вопросительности и ответной реакции при репрезентации слуховых галлюцинаций подчёркивает активную вовлечённость в речевое действие как минимум двух участников. Больной шизофренией находится в постоянном общении со своими «голосами»: они могут его спрашивать, соглашаться с ним, т. е. они воспринимаются индивидуумом как голоса незнакомого и постороннего субъекта, а иногда даже нескольких субъектов. Больной полностью убеждён, что голоса, звучащие в его голове, существуют и в реальности.

Наряду с богатым полем глаголов речепроизводства, для описания слуховых галлюцинаций авторы активно используют прилагательные, описывающие характер голосов: *low* (низкий), *muffled* (приглушённый), *soft* (мягкий), *pleased* (довольный), *consoling* (утешающий), *solitary* (одиночный), *shrill* (пронзительный), *active* (активный), *intense* (напряжённый), *insistent* (настойчивый), *taunting* (насмехающийся), *ridiculing* (высмеивающий), *harsh* (грубый), *angry* (злывный), *rampant* (несдержанный), *furious* (яростный), *insulting* (оскорбительный). Можно обнаружить различно окрашенную лексику, но отметим, что особо выделяются прилагательные с чётко выраженной отрицательной коннотацией (7 лексем); так же, как и глаголы, они обладают значением высмеивания, недовольства.

Итак, в результате проведённого исследования выявлены основные англоязычные лексические единицы, участвующие в репрезентации феномена слуховых галлюцинаций в современной американской литературе неспециализированного характера. Центральное место занимают многочисленные глаголы речепроизводства, что отражает восприятие больным слуховых галлюцинаций как отдельных субъектов, активно участвующих в коммуникации с ним. Важную роль в описании таких «голосов» также играют прилагательные. Характерно преобладание лексики с изначально ярко выраженной отрицательной коннотацией, а также употребление нейтрально и даже положительно окрашенной лексики исключительно в негативных контекстах. Можно сделать вывод о негативной природе слуховых галлюцинаций при параноидной шизофре-

нии и об их активном, деструктивном и пагубном воздействии на больного. Отметим, что сделанные нами выводы на основе проанализированного материала полностью совпадают с тем, что представлено в специализированной литературе по данной теме.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка: Сб. науч. тр. – Тамбов, 2008. – С. 11–29.
2. Гиляровский В.А. Учение о галлюцинациях / Послел. А.Н. Голика. – 2-е изд. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. – 240 с.
3. Колесов И.Ю. Актуализация зрительного восприятия в языке: когнитивный аспект (на мат. английского и русского яз.): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Барнаул, 2009. – 31 с.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / РАН. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
5. Манерко Л.А. Структуры знания, представленные в художественном и академическом дискурсах // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2013. № 1. – С. 100–118.
6. Мишина Н.О. Лингвокогнитивная специфика вербализации синтаксического концепта «звукотворение объекта»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2013. – 23 с.
7. Пименова М.В. Метод описания концептуальных структур (на примере концепта надежда) // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2011. – С. 85–93.
8. Стойкович Л.Ю. Лексико-семантическое поле английских глаголов речепроизводства: лингвокогнитивный

- подход: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007. – 23 с.
9. Чернявская В.Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? // Когниция, коммуникация, дискурс: Междунар. эл. сб. научн. трудов. – 2011. – Вып. 3. – С. 86–95. [Электронный ресурс]. – URL: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no3-2011> (дата обращения: 15.08.2014).
  10. Carlson, Melody. *Finding Alice: a novel.* – WaterBrook Press, 2003. – 376 p.
  11. Greenberg, Joanne. *I never promised you a rose garden.* – New York: Signet Books, 1989. – 288 p.
  12. Steele, Ken. Berman, Claire. *The day the voices stopped: a schizophrenic's journey from madness to hope.* – New York: Basic Books, 2001. – 257 p.
  13. Trueman, Terry. *Inside out.* – New York: HarperCollins, 2003. – 117 p.